Агата Седая

Мой горячий монстр

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Агата Седая
Мой горячий монстр

https://litres.ru/74955312
SelfPub; 2026

Аннотация

Я просто возвращалась домой, но провалилась в ледяной чужой мир и угодила прямиком в лапы демона. Он утверждает, что теперь я принадлежу ему. Пугающий, обжигающе горячий и до безумия самоуверенный — от одного его взгляда по коже бегут мурашки.

Вот только он еще не знает, с кем связался: я не собираюсь становиться покорной игрушкой и намерена установить свои правила даже в этой клетке. Но с каждым днем пугает другое — мне всё сильнее хочется остаться...

В книге вас ждут:

— властный и опасный монстр, который не привык слышать «нет»;

— дерзкая героиня с характером;

— искра между героями, юмор и всепоглощающая страсть на грани одержимости.

Содержание

Глава 1. Срезала дорогу, называется 5
Глава 2. Не трогай, оно кусается 12
Глава 3. Куры в аду не водятся 24
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Агата Седая
Мой горячий монстр

ВНИМАНИЕ! Книга предназначена строго для читателей старше 18 лет (18+).

В тексте присутствуют откровенные эротические сцены, элементы эмоционального и физического давления на старте отношений героев, нецензурные/грубые разговорные выражения и специфический юмор. Все герои являются вымышленными, а описанные события происходят в фэнтезийном мире и не пропагандируют насилие или противоправные действия.

Глава 1. Срезала дорогу, называется

Домой я шла пешком, потому что автобус не пришёл, а торчать на остановке в ноябре — это то ещё удовольствие. Решила срезать через пустырь за гаражами. Я там сто раз ходила: фонарей нет, зато минут десять экономии. Ботинки натёрли, спина ныла, и я мечтала только об одном — скинуть всё это барахло и залезть в горячую ванну. В сумке лежал пузырёк с маслом лаванды, купленный в обед. Хоть вечер пусть будет приятно пахнуть.

Голова была забита завтрашней планёркой. Я прокручивала, что скажу Маринке из отдела продаж, и ничего вокруг не замечала.

А стоило бы!

Воздух впереди загустел и дрогнул, как над асфальтом в жару. Я не сразу поняла, что это вообще странно. Сделала ещё пару шагов, и в лицо ударило теплом. Только что был ноябрь, снег хрустел, ветер лез в рукава, и вдруг как будто открыли дверцу духовки. Под ботинками захлюпало. Снег таял на глазах, превращаясь в грязную кашу.

«Трубу, что ли, прорвало?» — только и успела подумать я, когда земля исчезла.

Падала я долго. Ровно столько, чтобы мысленно сказать: ну конечно. Это могло случиться только со мной.

Очнулась на камне. Сколько пролежала, не знаю. Холод шёл снизу и пробирал даже сквозь куртку и джинсы, как будто я спала на ледяной плите. Над головой не было ни краёв ямы, ни неба, только высокий сводчатый потолок, теряющийся в темноте. Я села, и затылок отозвался тупой болью. Голова гудела, как воскресный колокол.

Где я? Только что был вечер, пустырь, гаражи, а теперь вокруг тьма и сырость. Страх подкатил к горлу и застрял там липким комком.

Меня кто-то вытащил? Тогда почему я не в больнице? Почему лежу на полу?

Телефон нашёлся в кармане. Сети не было, ни одной палочки. Я перезагрузила его, потом ещё раз, будто это могло что-то изменить. Не изменило.

Что за чертовщина?

Я кое-как поднялась и пошла вдоль стены, цепляясь за неё рукой. Каждый шаг отдавался в затылке. Высокие окна пропускали лунный свет, холодный и бледный. Он не делал обстановку яснее.

За спиной с грохотом распахнулась дверь. Она ударилась о стену так, что у меня внутри всё подпрыгнуло.

— Проснулась, птичка?

Голос был низкий, рокочущий, и я почувствовала его где-то под рёбрами.

Я обернулась слишком резко, и комнату повело. В дверях стоял мужчина. Огромный. Плечи почти закрывали проём, и я как-то сразу поняла, что он не прошёл бы в обычную дверь. Тут же, словно по щелчку, вспыхнули свечи. Сотни свечей, на подоконниках, на выступах, на полу, они зажглись разом и залили комнату тёплым светом.

Лучше бы не зажигались.

Сначала я подумала «человек» и тут же поправила себя, потому что у людей не бывает рогов. Ему пришлось чуть пригнуться, чтобы войти. Тёмная рубаха была распахнута на груди, штаны грубые, а ноги босые. Именно это почему-то меня и добило: в комнате стоял такой холод, что у меня зубы стучали, а ему хоть бы хны. Псих. Точно псих. На открытых участках кожи темнела мелкая чешуя, гладкая, как мокрая галька.

Лицо… Ладно, скажем честно, лицо было красивым. Суровым, жёстким, с резкими скулами, прямым носом, упрямым ртом и шрамом через бровь. Встретила бы такого на улице, решила бы, что он актёр или модель, и ещё бы оглянулась. Но было одно огромное «но». Из-под тёмных волос, от лба назад и вверх, росли два чёрных рога. Рога! Вдоль них, вросшие прямо в кость, сидели камни, и все до одного горели красным.

А глаза были янтарные, с вертикальным зрачком. Хищные.

Сердце у меня ухнуло куда-то вниз, потом рвануло обрат-

но и застряло в горле. Я попятилась, запнулась о собственные ноги и шлёпнулась на пол. Больно, обидно и унизительно.

Он проследил за моим падением с таким интересом, будто я включила для него телевизор.

— Не ушиблась, птичка? — спросил он почти вежливо.

Я не ответила. Просто не смогла. Он оттолкнулся от дверного косяка и пошёл ко мне. Не спеша, плавно, как кот, которому незачем торопиться, потому что мышь никуда не денется.

— Какая красивая птичка попалась в мои силки, — сказал он и ухмыльнулся. — Добро пожаловать в мой замок.

Его пальцы сомкнулись на моей руке и без усилия вздёрнули меня на ноги. Горячие, как будто он только что держал кружку с кипятком. Губы дрожали. Мозг лихорадочно искал любое объяснение, которое не заканчивалось бы словами «я сошла с ума». Голос, пропавший минуту назад, вернулся сам.

— Что?! Что ты такое?!

Он довольно улыбнулся и притянул меня к своей голой груди, как куклу.

— Можешь звать меня Алистэр, птичка. Будешь кричать моё имя, когда я возьму тебя?

Меня обдало жаром. Его ладони на моих плечах жгли кожу даже сквозь куртку и блузку, он прижимал меня так близко, что я чувствовала, как под чешуёй бьётся что-то огром-

ное и живое. А в живот упёрлось что-то твёрдое, толстое и длинное, и мне даже не нужно было гадать, что именно. Каждая клетка орала: «Беги!» А тело не слушалось. Оно просто висело в его руках, ватное и чужое. Я вцепилась пальцами в его предплечья, пытаясь оттолкнуть, но ладони скользили по гладким чешуйкам, как по льду. Колени дрожали так, что я едва стояла. В голове билась одна мысль: «Это по-настоящему. Это не сон».

— Ну? — он наклонился. — Будешь кричать?

И я заорала. Во всю глотку, так, что сама чуть не оглохла, а эхо рвануло по сводам и вернулось ко мне же. Монстр даже не вздрогнул. Только опустил голову к моей шее и шумно втянул воздух.

— Как же сладко ты пахнешь, птичка, — выдохнул он со стоном и вжался в меня сильнее.

Его руки поползли по моему телу, а когти, длинные и острые, поддели шов на куртке и вспороли его, как бумагу. Куртка повисла лохмотьями. Спину тут же лизнул холод, но замёрзнуть мне не дали: он обхватил меня со всех сторон, огромный и горячий, как печка, и закрыл собой от всего мира. От этого стало ещё страшнее. Потому что телу, чёрт его дери, было тепло.

«Вот и всё, — подумала я. — Я провалилась в ад, и теперь этот рогатый урод будет мучить меня вечность».

Только за что? Я что, так сильно нагрешила? Ну не ходила в церковь, ну орала на мужа подруги один раз, но не до такой

же степени!

Он тем временем добрался до блузки. Когтем подцепил пуговицу и срезал её, как нитку. Рука скользнула под ворот. Звериные глаза жадно прошлись по открывшейся коже.

— Люди всегда носят так много ненужной ткани? — хищный коготь лениво прочертил линию вдоль ключицы. Надавил, но не поранил. Просто дал понять, что может.

Внутри у меня что-то щёлкнуло. Не храбрость, нет, до неё было как до луны. Скорее злость от безысходности. Я собрала всё, что у меня осталось, напряглась и приготовилась к одному короткому рывку коленом. Тут не надо быть провидцем, чтобы понять, к чему всё идёт. Если повезёт, отобью ему хотелку на всю оставшуюся жизнь.

Глаза монстра полыхнули, и камни в его рогах вспыхнули вместе с ними. Он каким-то образом услышал мои мысли или просто учуял, что я задумала. Прижал меня к себе так, что между нами не осталось ни миллиметра, вцепился пальцами в подбородок и рывком вздёрнул моё лицо вверх.

— Что это ты задумала, птичка?

Голос у него стал тихим и от этого куда страшнее. Он подхватил меня поудобнее, и мои ботинки оторвались от пола. Вся моя храбрость сдулась в одну секунду. Ну куда я лезу? Он выше меня на две головы, а руки у него толщиной с мои ноги. Даже если бы я рванулась, он бы этого не почувствовал.

Вот и конец. В лапах похотливого демона, в аду, где холодно, как в Сибири зимой. Слёзы потекли сами, я их не звала.

Сейчас он закончит своё грязное дело, впихнёт в меня свою огромную палку и будет туда-сюда, пока ему не надоест, а потом, если очень повезёт, бросит тут помирать от холода. Но мне не повезёт. Мне никогда не везёт. Вся эта история лишь подтверждает мою теорию.

Слёзы текли и текли, лицо монстра расплылось в мутное пятно. Я зажмурилась. Не могла разобрать, злится он или просто ждёт, когда я закончу истерику.

Поэтому, когда прозвучал его голос, я решила, что мне почудилось.

— Птичка, ты что, плачешь?

Я распахнула глаза и открыла рот, как рыба. Это было так неожиданно, что я забыла, как дышать. Хмурое, встревоженное лицо. Тот самый монстр, который секунду назад прижимался ко мне со вполне понятными намерениями и плевать хотел на мои вопли. Теперь он осторожно, почти неловко, провёл ладонью по моей щеке, стирая слёзы. Потом пригладил растрёпанные волосы, и пальцы наткнулись на огромную шишку на затылке.

Боль взорвалась, и я зашипела.

— Ты ранена? — брови у него сошлись на переносице. Камни на рогах мигнули и поменяли цвет на жёлтый.

Монстр подхватил меня на руки и понёс прочь из этой странной комнаты, где было слишком много свечей, слишком холодно и слишком страшно.

Глава 2. Не трогай, оно кусается

Мы поднялись на два этажа, потом долго шли по бесконечной, продуваемой сквозняками галерее. Затем он свернул в узкий боковой коридор, одолел один лестничный пролёт, второй, третий, потом мы снова поднимались… Короче, я запуталась: куда он меня нёс и какими путями, не смогу повторить даже под страхом смерти. И как бы вот он, этот страх — дышит прямо в затылок, — но нейроны в моей голове отказывались запоминать маршрут ни при каких обстоятельствах.

Да и зачем мне это? Фиг его знает. Может, и пригодилось бы. А может быть — и скорее всего — нет. Пора бы уже трезво признать всю отчаянность положения: я в аду. Бежать мне отсюда некуда. Есть от кого, конечно, но ввиду обстоятельств этот номер вряд ли пройдёт. Потому как демон, на руках которого, как я с удивлением отметила, оказалось чертовски тепло и удобно, вцепился в меня мёртвой хваткой и отпускать побегать явно не собирался.

Голова продолжала противно кружиться, к горлу подкатывала мутная тошнота, а веки наливались свинцом, так и норовя захлопнуться. Но я упорно таращилась в потолок и украдкой разглядывала неестественно красивые черты мое-

го похитителя.

Он относился к тому редкому типу мужчин, по лицу которых невозможно угадать возраст. На вид ему можно было дать от двадцати до тридцати пяти, хотя, учитывая, что передо мной натуральный чёрт из преисподней, лет ему могло быть и побольше. Намного больше.

Ну вот как можно одновременно быть красивым, как греческий бог, и вести себя как последний урод? Я всё ещё чувствовала его твёрдый стояк, упирающийся мне прямо в бок сквозь ткань штанов, и от этого хотелось то ли завыть, то ли провалиться сквозь каменный пол. И к гадалке не ходи, зачем он меня куда-то тащит. На ледяных плитах того зала, видимо, ему показалось жёстко и неудобно — вот и решил перенести своё грязное дело в более комфортные условия, чтобы уж точно ничто не мешало. Хотелось отодвинуться, вырваться, исчезнуть, но вместо этого я позорно висела на его руках, словно безвольный мешок с картошкой.

Из идеально прямого носа вырвались две недовольные струйки дыма.

— Ты слишком много думаешь.

Его глаза хищно блеснули янтарём, когда он плечом толкнул очередную тяжёлую дверь, открывая путь в новый коридор, уводящий нас хрен пойми куда.

— Мы почти пришли, — бросил он так буднично, словно отвечал на вслух заданный вопрос.

Вялотекущие мысли в больной голове с трудом вороча-

лись, но эту информацию кое-как переварили. Стоп. Погодите-ка.

— Ты слышишь, о чём я думаю? — вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

Он впервые замедлил шаг и прямо посмотрел мне в глаза — глубоко, тяжело.

— Не всё. Только когда ты орёшь на весь замок, птичка.

Я с трудом сглотнула вязкий ком, но ответить не успела — наше бесконечное путешествие по лабиринтам наконец подошло к концу. Очередная тяжёлая дверь распахнулась, и демон внёс меня в просторную комнату, обставленную стандартным набором средневековой спальни из исторических сериалов: огромная кровать под балдахином, горящий камин, пара тяжёлых кресел, низкий столик. А в дальнем углу притаилось что-то высокое, наглухо занавешенное тёмной тканью.

При виде огромной постели сердце снова ухнуло куда-то в пятки — ну вот, приехали, мои худшие опасения подтвердились. Мой похититель направился прямиком к кровати, но вместо того, чтобы швырнуть меня на неё и сразу наброситься на моё страдающее тело, на удивление бережно опустил на мягкое, пахнущее дымом и чем-то терпким покрывало. После ледяного каменного пола этот матрас показался настоящим раем, но мне нельзя было расслабляться.

— Потерпи, птичка, где-то оно у меня было, — пробормотал рогатый, склоняясь над окованным железом сундуком

в изножье.

Через секунду он вернулся ко мне, сжимая в широкой ладони крупный прозрачный камень, похожий на кусок горного хрусталя. В свете огня я заметила, как внутри него лениво переливались серебристые искры.

— Сам ни разу не пробовал — не было нужды, но кое-что о медицине я почерпнул, — признался он, присаживаясь на край кровати, отчего та жалобно скрипнула под его весом. — Это довольно мощный целительный артефакт.

— Артефакт? — думать становилось всё сложнее, несмотря на настороженность, меня ужасно клонило в сон.

— Целительный, — повторил демон, осторожно укладывая увесистый камень мне на живот.

В комнате было довольно тепло, особенно если сравнивать с могильным холодом предыдущего зала. А через секунду от булыжника пошла такая приятная волна жара, будто мне на живот положили горячую резиновую грелку. Она мягко поползла вверх по груди, добралась до затылка, и мерзкий звон в ушах начал стихать, словно кто-то убавил громкость. Вместе с ним отступала и липкая тошнота.

— Ну как? — низкий голос донёсся как будто сквозь толщу воды.

— Похоже на… обезболивающее, — пробормотала я, на секунду прикрыв глаза от разливающегося по телу покоя. — Только без таблеток…

С трудом разлепив тяжёлые веки, я снова уставилась на

монстра. Он задумчиво следил за бликами, танцующими в глубине кристалла. Жёсткие черты его лица разгладились, а камни в пугающих рогах вдруг сменили цвет — из тревожно-жёлтого в нежно-розовый. «Прямо гирлянда», — лениво мелькнуло в голове.

— Что ты такое? — выдавила я.

Он перевёл взгляд на меня, и от этих янтарных глаз по спине снова пробежали мурашки.

— Алистэр. Я уже говорил.

— Это имя?

— Да.

Голова почти перестала болеть, но мысли всё ещё ворочались туго.

— Я спрашивала не об этом. Ты не человек.

— Не человек, — Алистэр криво ухмыльнулся, блеснув острыми клыками.

— Тогда что ты такое?

Алистэр на миг замялся, прищурившись, словно подбирая нужное слово, и вдруг усмехнулся.

— Демон, — выдал он, наклоняясь совсем близко к моему лицу и обдавая сухим, обжигающим жаром своего тела. — А ты, похоже, провалилась в самые тёмные глубины преисподней. Прямо ко мне.

Страх, на пару минут притихший от тепла кристалла, снова ледяной волной всколыхнул всё нутро.

— Почему?!

— Я слишком долго ждал именно тебя, птичка, и не собираюсь так просто отпускать. — Демон неожиданно мягко провёл тыльной стороной когтистой ладони вдоль моей щеки. — А теперь засыпай. Во сне артефакт сработает быстрее.

Голос его звучал низко и вкрадчиво, голову мгновенно затопил густой, противоестественный туман.

Противиться сну больше не оставалось никаких сил.

Я даже не заметила, как провалилась в глухую темноту.

***

Пробуждение было странным. Знаете, как бывает утром после шумной алкогольной вечеринки? Ты открываешь глаза и не понимаешь, что, чёрт возьми, с тобой не так: голова гудит, всё тело деревянное, тебе ужасно жарко, хочется пить и блевать одновременно. Но будильник уже надрывается, и нужно как-то собраться с силами, соскрести себя с кровати, умыться и поплестись на работу — проклиная всё на свете, и в первую очередь себя за то, что снова повелась на уговоры подруги и потащилась в клуб в ночь перед важным отчётом.

Вот весь этот набор — кроме будильника — обрушился на меня, стоило только продрать глаза.

Первой мыслью было: «Жарко».

Второй: «Это что за хрен?!»

Поперёк моего живота лежала тяжёлая, длинная мужская рука, плотно прижимавшая меня к обнажённому мужскому телу. К слову, я и сама была обнажена. Вот прям совсем. А

в мою нежную филейную часть уверенно упиралось чужое достоинство в полной боевой готовности.

Боже, сколько же я вчера выпила?!

Конечно, ханжой я никогда не была, и даже числились в моей биографии недолгосрочные отношения с одним козлом. Но чтобы вот так наклюкаться и проснуться в чужой постели без единой нитки на теле — это уже явный перебор.

И тем не менее давно не напоминавшее о себе либидо предательски, сладко отозвалось на близость голого мужчины.

Мускулистая рука тем временем тоже проснулась — горячая, тяжёлая, она прошлась широким, собственническим мазком по моим рёбрам, плотно смыкаясь прямо на голой груди.

Я резко отдёрнула одеяло, чтобы пресечь наглое поползновение, и только тогда заметила странную деталь: мужское предплечье было покрыто мелкой чёрной чешуёй, гладкой, словно кожа ящерицы.

Воспоминания обрушились мгновенно, ледяной лавиной: провал в пустоту, пробуждение в стылом каменном зале и Алистэр, который вчера напугал меня до икоты.

Недолго думая, я завизжала так, что хрустальные бокалы на низком столике тонко зазвенели. Рука, напуганная моим ультразвуковым выступлением, мгновенно сбежала и была такова.

В полной боевой готовности — сгребя в охапку край одеяла, словно щит, — я резко обернулась к демону, в этот раз

намеренная сопротивляться до самой смерти. О том, что он, видимо, успел сделать со мной, пока я находилась без сознания, я изо всех сил старалась не думать, но слёзы обиды собирались в глазах сами собой.

Демон же уже сидел на кровати, спиной опираясь об изголовье, и болезненно морщился, потирая висок. Его огромная туша в тусклом свете огня смотрелась внушительной и пугающей.

— Пожалуйста, прекрати кричать, — голос Алистэра спросонья был на удивление мягким.

— Ты… ты… — я ещё выше подтянула одеяло, прижимая его к самому подбородку.

Не могла поверить, что это действительно случилось со мной. Что мной воспользовались как бездушной вещью, пока я была в полной отключке. Что этот демон всё-таки довёл своё грязное дело до конца, и ему даже было плевать, что я ничего не чувствовала. Что я оказалась лишь способом для удовлетворения чужих потребностей. Горячие слёзы сами потекли по щекам, пока я сидела на краю постели и разрывалась между отчаянным желанием убить его или умереть самой.

— Да что ты вообще обо мне думаешь? — возмущённо выдохнул он, снова поймав мои мысли. — Не трогал я тебя.

Переполненная недоверием, я уставилась на демона.

— Ты голый! — констатировала я очевидное.

— Это моя комната, моя кровать, имею право спать так,

как мне нравится.

— Я голая!

— Мне казалось, так удобней, — и он так невинно улыбнулся, но янтарные глаза при этом хищно сверкнули, а в рогах на мгновение вспыхнул густой рубиновый блеск.

Я поспешно обернулась одеялом, чтобы скрыть тело от похотливых взглядов демона, которые он бросал на меня, но совершенно не подумала о том, что этим жестом полностью обнажу его. Толстый член, как солдат на посту, во всей красе предстал перед моими глазами между мощных бёдер в опушке из тёмных волос.

Жар мгновенно прилил к щекам, и я неуклюже высвободила край ткани, чтобы поскорее прикрыть это бесстыдство. Но, замотавшись в тяжёлое полотно, словно буррито, я намертво запуталась в складках, потеряла равновесие и рухнула прямо на демона. Ткнулась лицом ему в горячую грудь, а сбившаяся ткань предательски задралась — так, что я неловко оттопырила ногу и прижалась самым сокровенным прямо к его «солдату».

Демон отреагировал мгновенно. Секунда — и я уже лежу на спине, прижатая к матрасу его тяжёлым, раскалённым телом, а его губы жадно гуляют где-то в районе моей шеи.

— Хочешь поиграть, птичка? — голос, наполненный хрипотцой, вызвал табун мурашек по всему моему телу.

— Не… Я не… — его язык плотно прижался к нежной коже за ухом, всасывая, облизывая, обдавая обжигающим жа-

ром дыхания.

В теле мгновенно зародилась зудящая, сладкая жажда, а ноющая тянущая боль внизу живота чутко отзывалась на каждый перекат тугих мускулов, прижимавшихся ко мне в отчаянной потребности. Чёртовы гормоны!

Демон переключился на лицо, ощутимо прикусил скулу и тут же горячо зализал это место.

— Моя сладкая, — выдохнул он.

А потом его губы жадно напали на мои, и если секунду назад я собиралась его остановить, то после уже не могла вспомнить, зачем мне вообще это было надо.

Он не спрашивал разрешения и не ждал приглашения. Его губы были раскалёнными, мягкими и до неприличия требовательными, а кончик языка настойчиво провёл по линии сомкнутых губ, требуя впустить. И стоило мне едва приоткрыть рот, чтобы судорожно втянуть воздух, как демон мгновенно этим воспользовался, проскальзывая внутрь.

Внутри зарокотало низкое, довольное урчание — вибрация прошла прямо сквозь его грудь в мою, заставляя поджилки предательски затрястись. Язык Алистэра скользнул глубже, горячий, шершавый, хозяйский, сплетаясь с моим так жадно и глубоко, будто он умирал от жажды, а я была единственным глотком воды во всей пустыне.

Мозг окончательно расплавился и помахал ручкой. Руки, которые секунду назад должны были упереться ему в плечи и оттолкнуть, сами собой скользнули вверх, зарываясь паль-

цами в густые тёмные волосы у основания рогов. Алистэр глухо застонал мне прямо в рот, вжимаясь бёдрами так плотно, что я всем телом ощутила каждое нетерпеливое подёргивание его возбуждения.

Одеяло, ещё недавно выполнявшее функцию моей единственной одежды, исчезло — когда и куда, я даже не заметила. Зато очень чётко заметила, как горячая рука Алистэра скользнула вниз и уверенно провела вдоль всей влажной вульвы. Кончик пальца смело подцепил клиторальный капюшон, отодвигая его.

Вот тогда я мгновенно пришла в себя. "Очнись! Так реагировать просто ненормально!"

Не знаю, откуда в теле взялась такая прыть, но я упёрлась ладонями ему в горячую грудь, рванулась в сторону и, даже не раздумывая, со всей дури заехала коленом точно в цель.

Алистэр глухо охнул, мигом свалился с меня на бок и согнулся пополам, вцепившись в собственное достоинство. Камни в его рогах сменили рубиновый огонь на растерянно-фиолетовый, а из носа вырвался тонкий сизый дымок.

— Ты… ты что творишь, птичка?! — прохрипел он, глядя на меня снизу вверх такими обиженными янтарными глазами, будто я только что пнула беззащитного котёнка, а не похотливого демона.

Я судорожно сгребла с пола сброшенное одеяло, намотала его на себя по самое горло и отползла к самому краю кровати, тяжело дыша.

— А ты руки не распускай, рогатый! Я тебе не игрушка!

Демон медленно выпрямился, сглотнул и вдруг криво, почти восхищённо ухмыльнулся, потирая ушибленное место:

— Определённо не игрушка. С характером. Мне нравится.

Затем поднялся с кровати, нисколько не стесняясь, наклонился за штанами, брошенными на полу, открывая шикарный вид на нереальную подтянутую задницу, повернулся ко мне в полоборота и как ни в чём не бывало спросил:

— Завтрак?

Глава 3. Куры в аду не водятся

Он оставил меня одну. Бросив короткое: «Сейчас вернусь», Алистэр небрежно швырнул поперёк кровати тяжёлый свёрток тёмно-красной ткани и вышел, глухо притворив за собой массивную дверь.

Щёлкнул замок, или мне только почудилось — проверять я не спешила. Несколько секунд я просто сидела на смятых простынях, судорожно сжимая край одеяла и пытаясь унять колотящееся в горле сердце. Ладони мелко подрагивали от запоздалого адреналина, а губы всё ещё горели от его наглого, обжигающего поцелуя. Чёрт бы его побрал. И меня заодно — за то, что на пару секунд действительно растаяла.

Я сердито выдохнула, смахнула со лба растрёпанную прядь и покосилась на оставленный подарок.

Свёрток оказался платьем. Тяжёлым, дорогим, из густого тёмно-красного бархата, расшитого по подолу и рукавам мелкими чёрными бусинами и тонкими кружевными вставками. На вид оно было моего размера. Откуда у демона взялось женское платье? Может, принадлежало его бывшей пленнице или подружке?

Выбора всё равно не оставалось — не сидеть же перед похитителем весь день замотанной в простыню, как древнегре-

ческая статуя — это может его спровоцировать. Скинув надоевшее одеяло, я быстро натянула наряд через голову.

Мягкий, чуть прохладный бархат скользнул по голой коже, обволакивая тело как перчатка, и я против воли дёрнула плечами: после жара рук Алистэра даже прикосновение ткани казалось слишком острым. Платье село так идеально, словно портной снимал с меня мерки. Правда, имелся один жирный минус: откровенно глубокий вырез на груди и открытая спина подразумевали полное отсутствие нижнего белья. И именно белья мне, разумеется, никто не выдал. Никакого. Мало того что в аду, так ещё и без трусов.

Я недовольно дёрнула край декольте вверх, но ткань послушно вернулась на место, открывая ложбинку. Зашибись.

Сжав кулаки, я осторожно спустила босые ноги на тёплый каменный пол и медленно окинула комнату взглядом, надеясь отыскать хоть что-то из своих вещей.

Но глазам зацепиться было не за что. Освещение в спальне оставалось скудным и каким-то вязким: высокое окно в полный рост не пропускало ни капли солнечного света, словно за толстым стеклом всё ещё стояла непроглядная ночь, а рыжих всполохов камина едва хватало, чтобы разогнать густые тени по углам огромной комнаты.

Побродив по спальне туда-сюда, я так и не обнаружила ни единого следа своего имущества.

Зато в дальнем углу, куда почти не дотягивались блики камина, взгляд зацепился за нечто странное — высокую, гро-

моздкую вещь, затянутую плотным тёмным полотном. Вчера, с раскалывающейся головой, я отметила её лишь мельком, на периферии сознания. Но сегодня у меня была куча свободного времени, острое желание понять, куда я влипла, и ноль препятствий для маленького расследования.

Эта штука возвышалась в самой гуще теней, интригуя; тёмная ткань почти полностью сливала её с каменной стеной, делая похожей на молчаливого стража. Судя по строгой прямоугольной форме и проступающим под материей краям, под покрывалом пряталась либо огромная картина, либо высокое напольное зеркало в тяжёлой раме.

Я сглотнула и сделала один неуверенный шаг в сторону угла. Подол платья тихо зашуршал по камню. Внутри тугим, холодным узлом заворочался совершенно иррациональный страх — тот самый, который в фильмах ужасов кричит героине: «Не трогай, дура, оно тебя сожрёт!». Руки похолодели, а сердце снова принялось отбивать нервную дробь о рёбра.

Сделав глубокий вдох, я шагнула ближе и медленно протянула руку к краю грубой ткани.

— Надеюсь, ты не против мяса? Сложно найти яйца, когда нет кур, — раздался от двери уже знакомый низкий голос.

Я резко обернулась и тут же одёрнула руку, будто меня поймали с поличным.

На пороге стоял Алистэр с большим медным подносом, на котором невысокой горкой громоздились несколько тарелок. На секунду его янтарный взгляд скользнул по мне — с

головы до пят, задерживаясь на глубоком вырезе бархатного платья, — и в уголках губ дёрнулась довольная усмешка. Потом демон рассеянно проследил за моей рукой, всё ещё замершей в паре сантиметров от тёмного полотна, и камни в его рогах настороженно мигнули.

Мы так и стояли, молча пялясь друг на друга, пока одна из тарелок на подносе опасно не накренилась. Алистэр мгновенно пришёл в себя, ловко перехватил посуду и шагнул в комнату.

— Ну так что? Мясо будешь? — спросил он уже будничным тоном, расставляя свою добычу на низком столике у камина. По комнате поплыл густой, дразнящий аромат жареного мяса и специй, от которого у меня тут же предательски свело желудок.

Я подошла ближе и подозрительно покосилась на дымящиеся куски.

— А чьё мясо?

— Думаю, олень. Ну или косуля, — пожал он широкими плечами. — Хотя вполне может оказаться и медведь.

Ну, хоть не человечинка. Правда, приступать к трапезе я всё равно не спешила.

Пока мы сидели друг напротив друга у камина, я задумчиво ковырялась вилкой в тарелке и пыталась осознать всю сюрреалистичность происходящего. Я в аду. Сижу напротив рогатого демона за завтраком и обсуждаю мясо.

Чем я вообще так провинилась перед небесами, что уго-

дила прямиком сюда? И ведь тогда получается…

Вилка в моих пальцах замерла. До меня только сейчас, с опозданием, дошла простая и леденящая душу истина. Чтобы попасть в ад, должно кое-что произойти.

Я умерла.

Внутри всё неприятно оборвалось, а кусок мяса на тарелке разом потерял всякий вкус. Я медленно подняла взгляд на Алистэра. Демон невозмутимо поедал свою порцию с изяществом потомственного аристократа — умело и даже както слишком аккуратно орудуя ножом и вилкой, хотя с его острыми когтями и клыками куда логичнее было бы просто рвать добычу на куски.

— Не нравится? Знаю, люди обычно после пробуждения едят яйца, я постараюсь их раздобыть завтра.

Я поправила его чисто машинально, всё ещё переваривая своё болезненное открытие:

— Не обязательно яйца. Можно кашу или бутерброд.

Алистэр оторвался от своей тарелки и чуть нахмурился, словно столкнулся со сложной тактической задачей.

— Бутерброд, — задумчиво протянул он. — На него кладут мясо?

Я не ответила. Вся эта беседа казалась мне до ужаса нелепой — какая, к чёрту, разница, что есть на завтрак, если ты уже умерла? Я просто опустила вилку на край тарелки и уставилась в огонь камина.

Демон отложил приборы и чуть отодвинулся от стола; тя-

жёлые ножки кресла глухо скрипнули по каменному полу.

— О чём ты думаешь?

— Будто ты не знаешь, — я горько усмехнулась, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени.

— Знаю, — тихо согласился он. — Но людям комфортнее говорить вслух.

Я сглотнула и наконец заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Я умерла?

Алистэр на секунду задумался, склонив голову набок — камни в его рогах мягко блеснули розовым в отсветах камина.

— Смотря что считать смертью. Мне ты мёртвой не кажешься. Дышишь, споришь со мной, — его янтарный взгляд насмешливо скользнул ниже, к моей талии, — и живот твой урчит так громко, что слышно в соседнем зале. Ты голодна, птичка, но упрямо воротишь нос. Разве мертвецы так себя ведут?

— Я не знаю, как ведут себя мертвецы! Если ты не в курсе, я впервые умерла! — выпалила я, и сама не поняла отчего. Видать, почувствовала себя достаточно комфортно, чтобы орать на монстра.

Боже, за что мне всё это.

— С чего ты решила, что падение в преисподнюю — это кара небес? — спокойно уточнил он.

— А разве не так? Это же ад!

— Ад — это чисто человеческая концепция, — тяжело вздохнул Алистэр, будто объяснял упрямому ребёнку простую истину.

— Но ты напал на меня! Ты же сам сказал, что демон!

Он усмехнулся, и хитрые янтарные глаза снова скользнули по глубокому вырезу бархатного платья.

— Ты хоть представляешь, насколько хорошо пахнешь, птичка?

Демон поднялся и одним лёгким движением выдернул меня из кресла, снова притягивая в свои загребущие объятия. Камни в его рогах тут же вспыхнули густым красным светом.

— Да как тут удержаться? Я с трудом нахожусь в твоём обществе в одежде, — пророкотал он, и его горячее дыхание защекотало мелкие волоски на моей шее, пока он жадно прижимался губами к моей коже. — Моя птичка… Я так долго мечтал о тебе, что теперь едва представляю, как всё сделать правильно.

Тело снова начало сдаваться на милость монстра, предательски тая в его горячих, грубых руках, но в этот раз Алистэр отстранился сам.

Он глухо выдохнул, упёрся лбом в моё плечо, словно силой воли заставляя себя притормозить, и вдруг выдал совершенно серьёзным тоном:

— Как за женщиной принято ухаживать у людей?

Я моргнула, сбитая с толку таким резким поворотом. Алистэр чуть отступил, хмуря брови, будто решал сложную за-

дачу.

— Я знаю про цветы, но мне это кажется глупым, — продолжил он задумчиво. — То ли дело большой кусок хорошо прожаренной вырезки. Да и не растёт тут почти ничего, а то, что растёт, страшное и ядовитое. Может, платья? У меня их много.

— Может, свободу? — решила рискнуть я.

— Нет, — резко оборвал монстр.

Вся его недавняя лёгкость и любопытство испарились за секунду. Черты лица перекосились, взгляд мгновенно потяжелел, а камни в рогах полыхнули холодным, недобрым светом. Передо мной снова стоял тот самый пугающий урод из вчерашнего дня — безжалостный, опасный и не привыкший к возражениям. А я только успела расслабиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.